

ЕГО ПРЕВОСХО- ДИТЕЛЬНОСТЬ СТАРШИЙ СЕРЖАНТ



Поверить в то, что Владиславу Игнатьевичу Стржельчику исполнилось 70 лет, трудно. Почти невозможно. Он полон творческой энергии и как-то душевно свободен, по-прежнему изящен и красив. Стремительны и несуетливы его движения, полновзвучен, гибок голос. Артистизм — не признак профессии, но природное свойство его личности. Стржельчик

просто органически не может быть иным — напряженным в слове или жесте, скучным и неприветливым... Он — актер в высоком и прекрасном значении этого понятия.

Великолепный актер. И кажется, был им всегда.

В самом деле: 17-летний мальчик из интеллигентной петербургской семьи, где любили и понимали искусство, в

1938 году, еще не закончив десятилетку, пришел в актерскую студию Большого драматического театра, которой руководил уже тогда знаменитый Борис Бабочкин, и почти сразу же был включен во вспомогательный состав труппы. Да так в этой труппе и остался на всю жизнь.

Война. Это была единственная разлука с театром. Лишь в

1946 году старший сержант Стржельчик, помкомвзвода 92-й стрелковой дивизии, с медалью «За боевые заслуги» вернулся на сцену БДТ.

Актерский успех Стржельчика в сущности был предreshен: молодой, красивый, пластичный, открыто-радостен. Он приносил на сцену отзвук нашей Победы. В его героях — шекспировском Клавдио, во Флориндо из «Слуги двух господ», бунтаре и рыцаре Рюи Блазе, в образах молодых современников ощущались трепет жизни, романтический порыв и патетика, тоже ведь необходимые в те трудные, сложные времена. Он стремился к гармонии, словно надеялся компенсировать ее отсутствие в реальности.

Кто знает, как сложилась бы дальнейшая творческая судьба Владислава Игнатьевича, если бы в 1956 году в БДТ не пришел Товстоногов. Наступил поворотный момент для многих актеров. Для Стржельчика то был поворот решающий. Режиссер угадал в нем возможности удивительные. Привычный имидж был отвергнут, и начался поиск, и каждая следующая работа оказывалась непредсказуемой. Мы все время знакомились с новым Стржельчиком. Нет, конечно, он не становился на сцене неузнаваемым, перевоплощение касалось чего-то более глубокого, более интимного в сфере, которую Тов-

стоногов называл «природой чувств».

А тем временем кино чаще всего довольствовалось лишь частью его актерской палитры. Умение быть импозантным, светским, обаятельным, аристократически сдержанным. Стржельчик обладал еще и верным чувством исторического стиля, быть может, тут жили детские впечатления от портретных галерей Эрмитажа... Б. Брайнин чуть иронически шутил:

Играл наследных принцев
и баронов,
Аристократов, графов
и князей,

Играл царя, играл Наполеона,
Ну просто исторический музей.

Генерал Ковалевский Стржельчика в «Адьютанте его превосходительства», Наполеон в «Войне и мире», Валицкий в «Блокаде», Н. Рубинштейн в «Чайковском» жили напряженной внутренней жизнью и были не просто колоритны, а неповторимо интеллигентны... И все же подлинное раскрытие уникального таланта артиста происходило на сцене.

Поразительно здесь богатство и разнообразие характеров, типов, неожиданных сценических красок и приемов. Давайте вспомним его роли.

Глуповатый, бесконечно смешной в своей нелепой влюбленности князь Пантиаши в «Хануме» и тонкий, умный интеллектуал-революци-

онер Н. Бауман («Третья стража»), в котором просматривалось что-то от романтических героев молодого Стржельчика. Непреклонный, прямолинейный Хотспер («Король Генрих IV») и растерянный, замкнутый в себе, мягкий, подчас мякотелый Машков («Традиционный Хотспер»), такой благообразный, такой уклончивый, пустой и слабый генерал Епанчин («Идиот») и страдальчески кроткий, терпеливый, но ведь тоже по-своему непреклонный крестьянин Адриан Фомич в «Трех мешках сорной пшеницы». Или вспомним еще яростно-завистливо, мучительно насильюющего свою природу и душу музыканта Сальери («Амадеус») и несколько помятого, с хитровато прищуренным глазом сплетника-авантюриста Репетилова в «Горе от ума»... Сопоставления можно множить.

Г. Товстоногов недаром ценил в актере эту широту диапазона, художническую интуицию, сочетание виртуозного мастерства с почти простодушной радостью от самого процесса сценического существования. Игра? Конечно, игра. А что и делает актер на сцене? Играет. Весь вопрос в том, как понимать это «играет».

Первая неожиданность ждала зрителей и критику в 1959 году. В горьковских «Варварах» роль Цыганова Товстоногов поручил Стржельчику. Цыганов — «гурман и лер», появился на

сцене неторопливо-валяжно, форменная тужурка выглядела на нем почти как смокинг. Как презирал этот Цыганов провинциальных аборигенов! Как гневно равнодушен был к окружающим! И тем трогичнее, безысходнее оказалась «убитая» еще в нем способность чувствовать.

Кажется, никогда не ощущалось ранее столь острое несовпадение внутреннего и внешнего в человеке, как в Кулыгине Стржельчика в чеховских «Трех сестрах», и никогда не открывалась еще в этом вполне обыденном герое подлинная сила драматизма. Невостребованными оказались его чуткость, доброта, любовь и нежность, задавленные стереотипом самой жизни, мелочностью, повседневностью, неловкостью, неумением выразить себя...

И еще одна роль, которую нельзя забыть: Соломон Григорий в «Цене» А. Миллера. Здесь он сыграл рядом с С. Юрским, тонко чувствуя свою с ним сопереженность, органично войдя в ансамбль спектакля. В то же время его Григорий, дряхлеющий, давно отошедший от дел оценщик старой мебели, вел как бы свое отдельное существование. В нем жила усталая мудрость, почти отрешенность и странное достоинство. Григорий не мог упустить ни минуты отпущенного жизнью уже недолгого срока. Он словно физически ощущал утекаю-

щее время и знал нечто, недоступное его молодому собеседнику — о прошлом и будущем, о вечном, цене жизни...

Я вспоминала этот давний великолепный спектакль, любясь актером в комедии «Последний пылкий влюбленный» Н. Саймона. Та же тончайшая нюансировка, то же внимание к деталям. Высокое мастерство и подлинность любого мира сценического бытия.

Стржельчик ведет игру. Игра, однако, входит закономерно в состав реальности — театральное и жизненное неразделимы.

В этом, пожалуй, одна из примечательных черт таланта Стржельчика. В любом его создании заметен «нерастворимый осадок» самой личности актера. Его порой упрекают в приверженности к форме. Но форма — это ведь способ организации интуитивных озарений, сохранения текучей магии творчества. Форма помогает проявить истинно интеллигентную активность.

В. Стржельчик, бесспорно, деятельная натура. Не случайно оказался он в центре ленинградской театральной жизни, став председателем правления местного отделения СТД. Это тоже форма служения людям, служения театру. А театр для него — вся жизнь, и дай бог, чтобы длилась она как можно дольше.

Г. ЛАПКИНА,
доктор искусствоведения.